

МАНДЕЛЬШТАМОВСКИЙ ЦЕНТР ШКОЛЫ ФИЛОЛОГИИ
НИУ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
МАНДЕЛЬШТАМОВСКОЕ ОБЩЕСТВО
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. В. И. ДАЛЯ
(ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ)
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

МАНДЕЛЬШТАМОВСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

В двух томах

Том 1

Редакционная коллегия:

С. С. Аверинцев, Д. П. Бак, Н. А. Богомолов,
С. В. Василенко (зам. гл. ред.), Л. М. Видгоф, М. Л. Гаспаров,
А. Д. Еськова, Г. А. Загянская, Д. В. Зуев (ученый секретарь),
А. В. Лавров, О. А. Лекманов (гл. ред.), А. В. Наумов, П. М. Нерлер (гл. ред.),
Е. Н. Пенская, В. А. Плунгян, И. С. Ряховская, М. В. Соколова,
А. К. Сорокин, Н. А. Струве, Р. Д. Тименчик, Ю. Л. Фрейдин,
С. Г. Шиндин, Г. В. Якушева

РОССПЭН

Москва

2017

УДК 929
ББК 63.2
М23

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ),
проект № 15-34-11210а, не подлежит продаже*

Главные редакторы:

П. М. Нерлер, О. А. Лекманов

Научная редакция:

С. В. Василенко, Г. А. Загянская, Д. В. Зуев, И. С. Ряховская, С. Г. Шиндин, Ю. Л. Фрейдин

Вступительная статья:

В. Б. Микушевич

Подбор иллюстраций:

А. В. Наумов, П. М. Нерлер

Все статьи опубликованы в авторской редакции

Мандельштамовская энциклопедия : в 2 т. / [гл. ред. П. М. Нерлер, О. А. Лекманов]. — М. : По-
литическая энциклопедия, 2017.

ISBN 978-5-8243-2096-1

Т. 1. — 574 с. : ил.

ISBN 978-5-8243-2176-0

Мандельштамовская энциклопедия – научно-справочное издание о жизни и творчестве О. Э. Мандельштама, многолетний труд архивистов и биографов, текстологов и комментаторов, искусствоведов и других специалистов-мандельштамоведов по описанию и анализу его текстов и его судьбы. В энциклопедии представлено более 600 словарных статей. Издание проиллюстрировано репродукциями автографов, прижизненных публикаций и биографических документов, произведений живописи и графики. Все статьи энциклопедии мандельштамоцентричны: темы и персонажи рассматриваются не сами по себе, но в тесной связи с личностью и творчеством Мандельштама.

Энциклопедия рассчитана на специалистов-филологов и на широкий круг любителей творчества поэта.

УДК 929
ББК 63.2

ISBN 978-5-8243-2176-0 (т. 1)
ISBN 978-5-8243-2096-1

© Коллектив авторов, 2017
© Политическая энциклопедия, 2017

зации интереса к его учению могло стать посещение О. М. заседаний Религ.-филос. об-ва (РФО), во время докладов и дискуссий на к-рых имя античного философа звучало неоднократно. Очевидно, натурфилос. взгляды А. были одной из тем общения О. М. с Б. С. Кузиным и его окружением: «С каждым приходящим к нам в дом у О. М. был особый разговор. Кузин и биологи разговаривали о генетике, бергсоновской жизненной силе и Аристотелевой энтелехии. Все они принадлежали к разряду рассказчиков, а не разговорщиков, и О. М. больше прислушивался к их рассказам, чем разговаривал». [Энтелехия наряду с энергией – один из двух важнейших терминов философии А. («Метафизика», «Физика»), форма, осуществляющаяся в материи, внут. сила, потенциально заключающая в себе цель и результат; душа человека, распоряжающаяся формированием, изменениями и деятельностью его тела. Это понятие предполагается всеми телеологич. системами (в частности, у И. В. Гете энтелехия есть тот момент вечности, к-рый наполняет тело человека жизнью), под определенным углом зрения оно близко категории жизненной силы А. Бергсона, при нек-рой коррекции актуально для естественнонауч. взглядов.]

Явные следы заинтересованного отношения к трудам А. в худож. мире О. М. не отражены, само его имя встречается только как исключительно значимая величина в определенном ценностном ряду в «Разговоре о Данте» (1933) в связи с фигурой Аверроэса, его знаменитым комментарием А. и «дантовской эрудицией»: «Аристотель, как махровая бабочка, окаймлен арабской каймой Аверроэса. <...> В данном случае араб Аверроэс аккомпанирует греку Аристотелю. Они компоненты одного рисунка. Они умещаются на мембране одного крыла». По предположению Л. Г. Степановой и Г. А. Левинтона, образный строй данного фрагмента, как и обнаруживающее явные содержат. параллели ему мандельшт. стих. «О бабочка, о мусульманка...» (1933–34), могут быть мотивированы метафорич. трактовкой аристотелевской энтелехии, принадлежащей В. В. Розанову и описываемой им в подглавке «О страстях мира» «Апокалипсиса нашего времени» реальную или вымышленную ситуацию, когда на его вопрос: «Господа, в гусенице, куколке и бабочке – которое же я их?» – П. А. Флоренский отвечает: «Конечно, бабочка есть энтелехия гусеницы и куколки», – после чего следует розановский комментарий: «“Энтелехия” есть термин Аристотеля, и – один из знаменитейших терминов, им самим придуманный и филологически составленный. Один средневековый схоласт прозакладывал черту душу, только чтобы хотя в сновидении он объяснил ему, что в точности Аристотель разумел под “энтелехиено”». Еще раз имя А. появляется в «Разговоре о Данте» в связи с метафорическим утверждением о том, что «Дант и его современники не знали геологического времени. <...> Однако средневековые не помещались в системе Птолемея – оно прикрывалось ею. – К библейской генетике прибавили физику Аристотеля. Эти две плохо соединяемые вещи не хотели срачиваться». В примыкающих к «Путешествию в Армению» (1931–32) черновых набросках «Читая Палласа» А. упоминается в связи с образом «демона чтения», сопоставляемым с одной из важнейших в худож. мире О. М. категорий путешествия: «Древние его не знали. В процессе чтения они не искали иллюзию. Аристотель читал бесстрастно. Лучшие из античных писателей были географами. Кто не

дерзал путешествовать – тот и не смел писать». Показательно, что именно в этот период в письме М. С. Шагинян 5.4.1933 О. М. в предельно «экзистенциальном» контексте опосредованно соединяет имя А. с естественнонауч. темой: «...Для того, чтобы действовать, нужно бытие густое и тяжелое, как хорошие сливки, – бытие Аристотеля и Линнея, бытие Гегеля, бытие Ленина».

Согласно комментарий А. Г. Меца, содержащееся в мандельшт. докладе «Скрябин и христианство» [др. назв. «Пушкин и Скрябин»; сохранившиеся фрагменты в наст. время публикуются как ст. <«Скрябин и христианство»>, 1917(?)] суждение «Эллины боялись флейты и фригийского лада» восходит, в частности, к «Политике» А., где тот, возражая Сократу, утверждал: «Ведь фригийский лад в ряду других занимает такое же место, какое флейта – среди музыкальных инструментов: тот и другая имеют оргиастический, страстный характер. Доказательством этого служит поэзия: для выражения вакхического экстаза и тому подобных состояний возбуждения из всех инструментов преимущественно нужна флейта, а среди ладов такая поэзия для соответствующего выражения прибегает к фригийскому ладу».

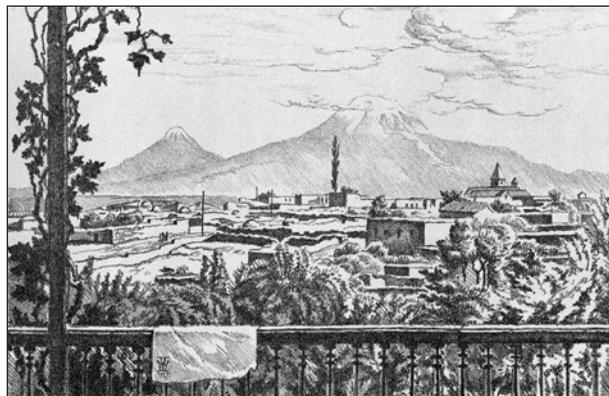
С. Г. Шиндин.

АРМЕНИЯ. Своим первым прикосновением к арм. культуре О. М. обязан лекции В. Я. Брюсова, об арм. поэзии в Политехн. музее в Москве, прочитанной 28.1.1916. Впрочем, сама лекция, на к-рой он был вместе с Л. А. Бруни и Н. К. Бруни-Бальмонт, оставила его равнодушным (см. шуточное стих. «Мне скучно здесь...»). В более серьезном контексте А. упоминается в 1922, в ст. «Кое-что о грузинском искусстве», где отмечается, что не Армения, а Грузия стала для рус. поэзии «обетованной страной». В 1921 в Тбилиси О. М. познакомился с *Кара-Дарвишем* – единственным арм. поэтом, стих. к-рого («Пляска на горах») он перевел. В 1929 О. М. едва не уехал в А. на продолжит. время. По его просьбе Н. И. Бухарин 14.6.1929 обратился к председателю Совнаркома Армянской ССР С. М. Тер-Габриэлян (1886–1837): «Дорогой тов. Тер-Габриэлян! Один из наших крупных поэтов, О. Мандельштам, хотел бы в Армении получить работу культурного свойства (напр., по истории армянского искусства, литературы в частности, или что-либо в этом роде). Он очень образованный человек и мог бы принести вам большую пользу. Его нужно только оставить на некоторое время в покое и дать ему поработать. Об Армении он написал бы работу. Готов учиться армянскому языку и т. д. Пожалуйста, ответьте телеграфом на ваше представительство. Ваш Бухарин». 23.6.1929 телеграфировал А. А. Мравьян, нарком просвещения и зам. пред. Совнаркома Армянской ССР: «Москва, Закпрдство. Просьба передать поэту Мандельштаму возможно предоставить в Университете лекции по истории русской литературы, также русскому языку в Ветеринарном институте». О. М. немедленно начал готовиться к отъезду – читать книги об Армении и самостоятельно изучать арм. язык, причем не современный, а древний (грабар). Однако подтверждение и конкретные детали приглашения все не приходили (а 23.10.1929 Мравьян скоропостижно умер), и, предположительно, в августе О. М. принял др. работу – в редакции *«Московского комсомольца»* в Москве. Так или иначе, но поездка расстроилась,

а сама коллизия вошла в одну из главок «Четвертой прозы». Все это время шла, то затихая, то вспыхивая, травля О. М. в связи с переводом «Тиля Уленшпигеля», и, когда зимой 1930 работа в молодежной газете вдруг пресеклась, у О. М. возникло сильнейшее желание уехать из Москвы. Обратившись к Бухарину, О. М. снова назвал Армению как наиболее предпочтительное место. Бухарин, чье положение пошатнулось, действовал не сам, а через других: скорее всего, именно Бухарин дал совет написать Молотову. «Бухарин нашел “приводной ремень” – путешествие было устроено через Молотова, как потом и пенсия. Устроено оно было по второму сорту – без блеска, как для настоящих писателей, но и то “по вашим грехам хорошо”». «Куратором» этой поездки был Анатолий Николаевич Гусев (1899–1939), в 1929–33 сотрудник Отдела агитации (с 1930 – культуры) и пропаганды ЦК ВКП(б). Когда выяснилось, что А. примет О. М., но не раньше мая 1930, он предложил в апреле, по пути в А., отдохнуть на правительственной даче в Сухуме. 5 мес. – с мая по сентябрь – пришлось на саму А. Первые недели и вообще большую часть путешествия в А. О. М. с женой провели в Ереване: сначала в гостинице «Интурист» на ул. Абовяна, куда его устроил М. Сарьян. Круг общения О. М. в Ереване – армянском, а не интернациональном городе, как Тифлис или Баку, был довольно мал: кроме Сарьяна в него входили архитектор А. О. Таманян, археолог и историк арм. архитектуры Т. А. Тораманян, географ и филолог С. Д. Лисициан, его учительница арм. языка М. Вартарьян и ее отец, обществ. деятель Г. М. Вартамян, директор гос. публичной библиотеки А. М. А. Геворкьян, М. С. Шагинян и ее муж, переводчик Я. С. Хачатрянц и нек-рые др. Зато определенно не заладился контакт с арм. писателями, за исключением Е. Чаренца и Г. Маари. Но именно в Ереване судьба подарила О. М. знакомство и пожизненную дружбу с биологом Б. С. Кузиным, к-рому поэт посвятил стих. «К немецкой речи».

О. М. и Н. М. совершили из Еревана несколько поездок по А. Самым длительным было месячное пребывание в июле 1930 в первом в А. профсоюзном доме отдыха на острове на оз. Севан, дополненное экскурсиями в Норадзуз, Цовак, Еленовку и др. места. Здесь круг общения поэта заметно расширился, гл. обр. за счет ученых и партийных деятелей: этнограф, историк и археолог А. Х. Хачатурьян, советский гос. и партийный деятель, историк и литературовед А. Б. Кариньян, краевед, юрист и быв. депутат Думы первых трех созывов И. Т. Сагателян и его племянник – драматург Л. М. Сагателян, химик С. П. Гамбарян, психиатр Р. Х. Герцбер, 1-й секретарь КА(б)А А. Ханджян с женой Р. Виндзберг, студентка истфака А. А. Худавердян и ее подруга З. И. Ясинская. Кроме того, короткие поездки совершались в Эчмиадзин и Звартноц, Араратскую долину, Аштарак и на Алагез. Более продолжительной была поездка в Нагорный Карабах в сентябре 1930, к-рой путешествие О. М. в А. хронологически и завершилось.

На обратном пути О. М. и Н. М. остановились в Тифлисе, где к О. М. вернулись стихи, разбуженные этим путешествием в А. В творческом плане общение поэта и страны обернулось стихотворным циклом «Армения» и несколькими сопутствующими ему др. стихотворениями, написанными в 1930–31 (общим числом ок. 20), а также прозой «Путешествие в Армению», над к-рой О. М. работал в 1931–32,

«Страна суббота, которую Арменией зовут...»

и соответствующими записными книжками. Поразительно, но и цикл «Армения», и «Путешествие в Армению» были напечатаны довольно скоро после того, как были написаны (Новый мир. 1931. № 3; Звезда. 1933. № 5 соответственно). Цикл «Армения» и сам по себе феноменален для О. М. именно тем, что это классич. цикл, т. е. семантическое единство нескольких примыкающих друг к другу стихотворений, написанных, как правило, в разное время и собранных по тематическому, а не хронологическому принципу. Проза О. М. об А. была встречена партийной критикой в штыки, а Ц. Вольпе, ее журнального редактора, выгнали с работы.

Тем не менее «для Мандельштама приезд в Армению был возвращением в родное лоно – туда, где все началось, к отцам, к истокам, к источнику. После долгого молчания стихи вернулись к нему в Армении и уже больше не покидали <...> В последний год жизни – в Воронеже – он снова вспоминал Армению, и у него были стихи про людей “с глазами, вдолбленными в череп”, которые лишились “холода тутовых ягод” <...> Эти стихи пропали. Но и так армянская тема пронизывает зрелый период его труда». Память о «стране субботней, которую Арменией зовут» и арм. разнообразие надолго и прочно напитали собой сознание поэта.

Лит.: Кубатьян Г. Место армянской темы в творчестве Мандельштама (Уроки Армении) // Вестник Ереванского гос. ун-та. Серия: Общественные науки. 1989. № 6. С. 19–20. Нерлер П. «Путешествие в Армению» и путешествие в Армению Осипа Мандельштама: попытка реконструкции // Знамя. 2015. № 11. С. 123–151.

П. М. Нерлер

АРХИТЕКТУРА в творчестве О. М. В произведениях О. М. разных лет встречаются образы архитектуры разных эпох и стран: петербургской (см. *Петербург*), московской (см. *Москва*), византийской, армянской, западноевропейской (в осн. готической), античной (см. *Античность*). Петерб. архитектурные образы присутствуют в стих. «Адмиралтейство», «Петербургские строфы», «На площадь выбежав, свободен...» и в нек-рых др., в ст. «Кровавая мистерия 9 января». О моск. А. говорится в стих. «В разноголосице девического хора», «О, этот воздух, смутой пьяный...», «Сегодня можно снять декалькомани...», «Квартира тиха, как бумага...». Непосредственно о византийской А. речь идет